

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Музыка и свет

Юбилейный, X Дягилевский фестиваль открылся премьерой «Травиаты» в постановке Роберта Уилсона

Юлия Баталина

Говоря о «Травиате» в Пермском театре оперы и балета, созданной режиссёром Робертом Уилсоном при музыкальном руководстве Теодора Курентзиса, кто угодно сталкивается с нехваткой слов и необходимостью смягчать восторженные интонации. Расходясь после премьеры, зрители говорили о лучшей опере, которую они видели в жизни, о совершенстве, безупречности и о счастье присутствовать на этом событии. Между тем, пытаясь разобрать это совершенство и безупречность на составные части, оказывается, что частей этих поразительно мало. Говоря по-простому, «Травиата» Уилсона — Курентзиса состоит всего из двух элементов: музыки и света.

Гораздо проще сказать, чего в ней нет. Нет амбициозной трактовки, нет натужного желания «актуализировать» классический материал, которыми страдают столь многие нашумевшие современные постановки. Наоборот: Уилсон тщательно очищает, освобождает «Травиату» от трактовок и наслоений времени, делая её вневременным шедевром, который выше любой попытки приблизить оперу к современности. Он вписывает шедевр Верди в бескрайний контекст мирового искусства: здесь и традиционный японский театр Но, и та самая классическая опера, которую принято нещадно критиковать за то, что неподвижные исполнители поют, глядя прямо в зал. Сколько было попыток избежать этой позы! А здесь — именно так и поют: глядя прямо в зал и почти не двигаясь.

Переиначить сюжет режиссёр тоже не пытается: всё строго по тексту — карнавал, так карнавал, матадор, так матадор, карточная игра — пожалуйста, болезнь, смерть — всё есть. Пермская «Травиата» не вызовет упреков в волюнтаристской трактовке сюжета — она абсолютно буквальная.

Легко, спокойно, ненатужно американский режиссёр доказывает, что искусство может быть непровокацион-

ным, не нарочито актуальным и в то же время остро современным.

Уилсон, который является в постановке не только режиссёром, но и сценографом и художником по свету, создаёт на сцене Вселенную, которая вызывает смутные ассоциации с вселенными философской фантастики — может, с Солярисом с его туманным морем, полупрозрачными фигурами, мимоидами и прочими симулякрами. Это сходство приходит на ум с первых же минут, когда под звуки увертюры на сцене медленно поднимается вверх загадочная абстрактная фигура, которая больше не появится и в действии участия не примет. Абстрактных фигур будет ещё немало: продолговатые кристаллы, длинные световые трубки, конструкции из тонких прутьев — они живут какой-то своей жизнью, появляясь и исчезая, медленно множась на сцене, повинувшись загадочному замыслу режиссёра. Хочется предположить, что количество острых предметов на сцене нарастает по мере того, как нарастает драматизм событий, — и тут же от этого предположения отказывается: уж очень оно плоское и банальное по сравнению с той глубиной, которая царит на сцене.

Уилсон погружает «Травиату» в чистую, освобождённую от ненужных подробностей красоту. Главное в этой структуре, конечно же, свет: обволаки-

ФОТО ЛЮСИ ЯНОШ

вающий, лишённый теней, переливающийся нежными оттенками, буквально заливающий сцену и создающий множество вариантов сценического пространства — то безжалостно прозрачного, то загадочно туманного, многослойного. Ещё один важный элемент — фактура: мягкий бархат, жёсткий атлас и нежный батист тканей костюмов приобретают особое значение в отсутствие декораций, становятся главными носителями материального начала. Существует и элемент абсолютно нематериальный — это химия. Между героями возникают какие-то эфемерные, но прочные химические связи, которые почти зримо, поскольку физических контактов на сцене Уилсон решительно избегает: не только тела, но и взгляды героев не соприкасаются.

Создаётся атмосфера чистой, хирургически стерильной красоты.

В этой разреженной атмосфере нет места несовершенствам. Музыка и актёрская игра в постановке лишены всяких опор и подпорок: не спрячешься за сюжет, за характер, за красивые декорации — всё то, что Уилсон считает неважным. Актёры и музыканты

поневоле должны быть безупречными — здесь мельчайшая шероховатость вырастает до размеров провала.

И они были такими. Зрители пермской «Травиаты» купались в музыке так же, как сцена купалась в свете. Оркестр, хор, солисты были равно прекрасны. Не передать, какая огромная ответственность легла на Надежду Павлову — Виолетту: она должна была играть трогательно и психологически достоверно при полном отсутствии привычных атрибутов костюмной мелодрамы, опираясь только на музыку, и при этом петь естественно, без форсирования звука, медленно, негромко и чисто. Легендарная ария Addio в финале повергла зал в абсолютное безмолвие, ведь так страшно было пропустить хоть один из этих тихих, медленных и абсолютно безупречных звуков.

Всего три представления — этого, конечно, непростительно мало для столь выдающейся постановки. Но уже в ноябре пермяки снова увидят «Травиату» — опера вошла в репертуар театра, и это отдельная радость: все партии исполняются солистами пермской оперной труппы.

